

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVI ВЕКА

I. ПЕСНИ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

1. ВЗЯТИЕ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА

Среди было Казанского царства
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни белокаменной палаты,
Ото сна тут царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Симеон царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденнице много виделося:
Как от сильного Московского царства
Кабы сизой орлице встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалася,
Что на наше ведь царство наплывала;
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московский
А Иван, сударь, Васильевич, прозритель¹
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство за пятнадцать вёрст,
Становились они подкопью, подкопью под Булат-реку²,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С чёрным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого³ свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере:
Ещё на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идёт свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван, сударь, Васильевич, прозритель,
И зачал канонеров⁴ тут казнити,
Что началась от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился.
От меньшого ему, князю, ответу нету;
Ещё тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий, сударь, князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идёт тишее».
Позадумался князь московский,
Он и стал те-то речи размышляти собою,

¹ Прозритель (провидец) – народное прозвище Ивана IV.

² Булат-река – проток Булак, соединяющий озёра Верхний и Нижний Кабан с речкой Казанкой, впадающей в Волгу.

³ Ярый – светлый, ясный.

⁴ Канонир – наименование пушкаря с XVIII в.

Ещё как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с чёрным порохом;
Принимались бочки с чёрным порохом,
Подымало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты,
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя встречала,
А того ли Ивана, сударь, Васильевича, прозрителя;
И за то он царицу пожаловал
И привёл в крещёную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами;
Он и взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду⁵,
Он царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася;
И с тех пор великая слава.

Текст взят из книги: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. № 30.

В основе песни лежит исторический факт – взятие Иваном Грозным в 1552 г. Казани. Публикуемый вариант имеет своеобразное начало – вещий сон царицы Елены, отсутствующий в других вариантах. Ряд мотивов текста находит параллели в литературных источниках: действия русских войск, подозрения Грозного в измене людей, ведавших подкопным делом, взрыв крепостной стены, непокорность царя Едигера (в песне – Симеона) и другие эпизоды.

Покорение Казани было событием большого политического значения. Это подчеркнуто как в этой, так и в других песнях об Иване Грозном (см., например, песни о гневе Грозного на сына).

2

Вы, молоды ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будем сказывати
Про Грозна царя Ивана про Васильевича.
Как он, наш государь-царь, под Казань-город ходил,
Под Казанку под речку подкопы подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом катал,
А пушки и снаряды в чистом поле расставлял.
Ой, татараве по городу похаживают
И всяко грубиянство оказывают,
Оне Грозному царю насмеваются:
«А не быть нашей Казани за белым за царём!»

⁵ Порфира (багряница) – верхняя торжественная одежда государей, широкий и длинный плащ багряного шёлка, подбитый хвостатым горностаем.

Ах, как тут наш государь-царь разгневался,
Что подрыв так долго медлился,
Приказал он за то пушкарей строго казнить,
Подкопщиков и зажигальщиков.
Но все тут пушкари призадумались,
А один пушкарь поотважился:
«Прикажи, государь-царь, слово выговорить».
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорели зажигальны свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом.
Как стены бросать стало за Сулай за реку,
Все татараве тут, братцы, утрашились,
Оне белому царю поклонилися.

Текст взят из книги: Российская универсальная грамматика, или всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русского языка с семью присовокуплениями разных учебных и полезно забавных вещей. СПб., 1769. № 51. С. 330.

В данном варианте песни отразились конкретные обстоятельства осады и взятия Казани.

3

Соловей кукушку подговаривал,
Подговаривал, всё обманывал:
«Полетим мы, кукушка, во темны леса,
Мы совьем ли, кукушка, тепло гнездо,
И мы выведем малых детушек,
Малых детушек-соловьятушек».
Молодец девицу подговаривал,
Подговаривал, всё обманывал:
«Мы поедем, девица, во Казань-город!
Как Казань-город на красú стоит,
Казанка-речка мёдом протекла,
А малы ручьи – зеленым вином.
По горам-горам по высокиим
Лежат каменя самоцветныя,
По лугам-лугам по зелённыим
Ростёт трава шелковая».
«Не обманывай, доброй молодец!
Я сама знаю про то, ведаю,
Что Казань-город на крови стоит,
А Казанка-речка кровью протекла,
Малые ручьи – горючими слезми.
По горам-горам по высокиим
Лежат головы молодецкие,
Молодецкие, всё солдатские;
По лугам-лугам по зеленыим
Лежат кудри молодецкие,
Молодецкие, всё козацкие».

Текст взят из книги: Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен. СПб., 1913. Ч. 2. С. 423–424, № 134. (первое издание собранных Чулковым песен вышло в 1770–1773 гг.).

Песня отражает события 1552 г. (взятие Казани), тяжёлые последствия войны.

4. КОСТРЮК

Поизволил наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Поизволил он женитисе,
Не у нас на светой на Руси,
Не у нас в каменной Москвы, –
У короля в проклятой Литвы⁶,
Она на Марье Темрюковны;
Он немного с собою поезду берёт –
Полтора ста татаринов берёт,
Полтретьяста боярских детей,
Петьсот стременных стрельчей,
Собиралосе поезду
Окол целой тысени.

Покатилса наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Покатилса в прокляту Литву,
Он по Марью Темрюковну,
Прикатилса в прокляту Литву,
Здраво стал он в проклятой Литвы,
Брал он Марью Темрюковну.
Как втапоры отец Темрюк,
Он немного провожатых кладёт –
Полтора ста татаринов кладёт,
Полтора ста татарских детей,
Петьсот стременных стрельцов,
Собиралось провожатых гостей
Окол целой тысени;

Да ищэ он провожатого кладёт,
Кострюка сына Темрюковиця.
Покатилса наш царь государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Покатилса на светую Русь,
На свету Русь, каменну Русь,
Он со Марьей Темрюковной.
Прикатилса в каменну Москву,
Заходил он во божью черькёв,
Да ставал он на подножок-от,
Он примал золотые венчи
Да со Марьей Темрюковной.
Покатилса наш царь государь,
Наш Иван сударь Васильевич,
Покатилса из божьей церкви
Да со Марьей Темрюковной,
Он пошел в ложню тёплую,
Он ложилса во теплу ложню.
Дак втапоры дядюшка царёв,

⁶ Упоминание о Литве – отражение в песне событий начала XVII в.

Стар Микита Романович⁷,
Он и ўцял столы становить,
Он ведь ўцял гостей потчевати;
Дак и хлеб-от у царя на столе,
Да ествы-то у царя на столе,
Да питья-то у царя на столе,
Да и вси у нас пьют и едят,
Пьют, едят, потешаютче,
За царя богу молятче,
За Иван сударь Васильевича,
За царицу за Марью Темрюковну;
Да один у нас не пьёт, не ес,
Он не пьёт, не ес, не тешитсе,
За царя богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За царицу за Марью Темрюковну;
Он ведь просит борца-молодца,
Поучёна добра молодца,
Скажот: «Семь городов испорошол,
Тридцеть борцов поборол,
Не нашол по себе борца,
Поучёна добра молодца».
Кабы втапоры дядюшка царёв
Стар Микита Романович,
Приходил да к ложни теплоёй,
Он колотитця с молитвою,
Говорит таковы реци:
«Уж ты ой еси, царь государь!
Царь Иван сударь Васильевич!
Дак и хлеб-от у миня на столе,
Да ествы'-те у миня на столе,
Да питья-те у миня на столе,
Дак и вси у нас пьют и едят,
Пьют-едят, потешаютце,
За царя богу молятце,
За царицу за Марью Темрюковну,
Промежу собой хвастают;
Да один у нас не пьёт, не ес,
Он не пьёт, не ес, не хвастает,
За царя богу не молитце,
За Ивана за Васильевиця,
За Марью Темрюковну,
Да по имени Кострюк сын Темрюкович;
Он ведь просит борца молодца,
Поучёна добра молодца,
Скажот: «Семь городов испрошол»,
Скажот: «Тридцеть борцов поборол,
Не нашол по себе борца,
Поучёна добра молодца».

⁷ Никита Романович из рода Захарьиных-Юрьиных (впоследствии звавшихся Романовыми) – один из популярных положительных героев русского песенного фольклора, был воеводой, участвовал в Ливонской войне (1558–1583), умер в 1585 г.

Говорит Иван Васильевич:
«Уж ты ой еси, дядюшка царёв!
Стар Микита Романович!
Выходи на крыльцо красное,
На прекрасно государево,
Ты крычи-зычи во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
Как по всей Москвы, по Замосквы,
С Кострюком поборотисе,
С Темрюком поотведатце».

Собиралися богатыри
К государеву ко двору,
Ко прекрасенькёму ко крыльцу.
Кабы втапоры дядюшка царёв
Выходил на крыльчо красное,
На прекрасно государево,
Он крычал-зычал во всю голову,
Штобы чуть было по всей Москвы,
По всей Москвы, по Замосквы:
Собиралисe богатыри
С Кострюком поборотисе,
С Темрюком поотведатце,
Как из нижняго из конца
Как из маленькёго из дворца
Выходили два богатыря:
Кабы Васинья маленькёй,
Да Потанюшка хроминькёй.
Кабы Вася на царёв кабак прошол,
А Потаня ко дворцу государевому,
Ко крылечушку прекрасинькёму,
На одну ножку прихрамываёт,
На другу ножку припадываёт,
Костьюлем подпирайтце,
Ко дворцу приближайтце.
Кабы втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Говорил таковы речи:
«Уж ты ой еси, Потанюшка хроминькёй,
Уж ты можошь ли Кострюка побороть?
Побороть, обезвечить его?»

Говорит Потаня хроминькёй:
«Уж ведь я Кострюка поборю,
Поборю, обезвечу его.
Кабы я-то вчера хмелён был,
Кабы ныне голова-то болит,
Кабы мне-то приоправитце».

Кабы втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Наливает цару зелена вина,
Как немалу – полтора ведра,
Как подносит Потанюшке хроменькёму,
Как берёт Потаня единой рукой.

Выпиват единым духом,
Сам за чарой поклоняйтца:
«Да ищэ-то я, Потаня, не оправилсэ,
Как болит у Потани буйна голова».
Да и втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Наливает-то чару зелена вина,
Как немалу – полтора ведра,
Как подносит Потане хроминькёму;
Как берёт Потаня цяру единой рукой,
Выпивает единым духом,
Сам за чарой поклоняйтца:
«Да ищэ Потаня не оправилса».
Да и втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Он ещё подносит зелена вина;
Как берёт Потаня цяру единой рукой,
Выпивает единым духом,
Кабы сам за цярой поклоняйтца:
«Как топерь я могу Кострюка побороть,
Побороть, обезвечить его».
Как втапоры дядюшка царёв
Заходил во гриню светлую,
Он ведь подчоват провожатых гостей:
«Как и хлеб-от у меня на столе,
Да и ествá у меня на столе,
Да и питья-то у меня на столе,
Да борцы-ти у меня на дворе».
Да и втапоры Кострюк сын Темрюкович
Он скочил через дубовы столы,
Он одной ногой за скамью задел,
Полтораста татаринов убил,
Полтретьяста татарских детей,
Петьсот стременных стрельцей,
Он убил-пригубил всех провожатых гостей,
Выходил он вон на улечу.
Да и втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Приходил он к ложни теплой,
Колотилса с молитвою,
Он будил-то Ивана Васильевича:
«Уж ты ой еси, царь государь!
Царь Иван сударь Васильевич!
Выходи на крыльцо красное
Как смотреть борьбу богатырскую».
Дак и вышел наш царь государь,
Царь Иван сударь Васильевич,
Да со Марьей Темрюковной
На крылечушко на красное,
На прекрасно государево.
Говорит Потаня хроминькёй:
«Уж ты ой еси, царь государь!

Царь Иван сударь Васильевич!
Уж мы кой коегó поборём,
С виноватого штобы платье снеть,
Да спустить его нага, да как мать родила».
Говорит Иван Васильевич:
«Да лишь бы тебе бог пособил».
Говорит Марья Темрюковна:
«Кабы преж борцы боролисе,
Кабы преж стрельчи стрелелисе,
С виноватого платье не сы́мывали».
Как не две горы скаталисе,
Два богатыря сходилисе,
Да в первы-ти Кострюк поборол,
Да в други-ти Кострюк поборол;
Дак и втапоры дядюшка царёв,
Стар Микита Романович,
Он ведь рвёт седую голову,
Да и щиплет седую бороду:
«Уж ты, горькая белая голова!
Ты, бесчасная седая борода!
Доставалась на поруганьё
Злу татарину проклятому;
Самому будёт отведатце,
С Кострюком поборотисе».
Да Потанюшка справилса,
За рубашенькю сграбилса,
Выздымал выше головы,
Опускал о сыру землю,
О гумёнецкё мёдвенно;
Не сорочинькя спархивала –
На Кострюке кожа треснула,
Он спустил его нага, да как мать родила;
Поволокся Кострюк сын Темрюкович,
Поволокся под крылечушко,
Он долонью прикрываитце.
Дак и втапоры царь государь,
Царь сударь Иван Васильевич,
Он прошол во ложню тёплую,
Он со Марьей Темрюковной,
Он ложилса в ложню тёплую,
На кроватоцькю тисовую.

Текст взят из книги: Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. № 91; записан от П. Г. Маркова в деревне Бедовой, Пустозерской волости Архангельской губернии в 1902 г.

Песня сохранила многие подробности, имевшие место в годы царствования Ивана Грозного. Иван IV женился на дочери кабардинского (черкесского) князя Темгрюка Марии в 1561 г. У Марии было два брата – Мамстрюк и Михаил. Относительно первого известно, что он ненадолго приезжал в Москву. Некоторые исследователи считают, что в образе Кострюка (Мамстрюка) отразились воспоминания о Михаиле, который долгое время жил в Москве; он подвергался постоянным насмешкам и издевательствам со стороны царя и по приказу последнего был казнён в 1571 г. Оставили в песне след и последующие исторические события, во время которых она распевалась.

5. ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то бор разгорается –
Воспылал-то Грозный царь Иван Васильевич,
Что надоть казнить Новгород да Опсково⁸.
По горенке на честном пиру похаживат,
Пословечно государь он выговариват:
«Достал я перфилушку⁹ из Царя-града,
Повывел я туман из синя моря,
И повывел я измену с каменной Москвы,
Хочу вывести изменушку со Опскова».
Говорит его больший сын Иванушка Иванович¹⁰:
«Батюшка наш, Грозный царь Иван Васильевич!
Достал ты перфилушку из Царя-града,
Повывел ты измену с каменной Москвы;
А не вывел ты тумана из синя моря,
Да и не повывести изменушки со Опскова:
У тебя изменщик за столом сидит,
Он есть да пьёт с одной чашечки».
Говорит-то Грозный царь Иван Васильевич:
«Мне скажи-тко про изменщика великого».
Молодой Иванушка Иванович закручинился,
Закручинился он и запечалился:
«На братца мне-ка сказать – братце не видать;
На себя сказать – мне живу не бывать».
Говорил Иванушка Иванович:
«Батюшка наш, Грозный царь Иван Васильевич!
Как мы шли-то с Новгорода до Опскова,
Мы-то шли по правую руку Волхова,
А по левую руку Волхова шёл Фёдор Иванович¹¹,
Так он делал изменушку великую:
Казнил он только старого да малого,
А что ни лучший он народ садил во погреба,
Опосля он выпускает их на белый свет».
Говорит тут Грозный царь Иван Васильевич
Громким голосом да во всю голову:
«Ай же вы, мои слуги верные,
Палачи мои немилосливые!
Берите-ка моего сына царского,
Того ли Фёдора Иванова,
За него за ручушки за белыя,
За него за перстни за злачёные,
Ведите-тко на поле на Куликово,
На это-то на место на торговое,
Срубите-тко ему буйную головушку
За его изменушку великую».
Все тут палачи затулялися,

⁸ Псков

⁹ порфиру

¹⁰ Царевич Иван – старший сын Ивана IV, был убит отцом в 1581 г. в возрасте 27 лет.

¹¹ Царевич Фёдор – сын и наследник Ивана IV, правивший в 1584–1598 гг.

Не смеют подойти ко сыну ко царскому
И не смеют казнить сына царского.
Молодой Иванушка Скурлатов сын¹²
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Подходил-то он ко сыну ко царскому,
Ко тому ли Фёдору Ивановичу,
Берёт его за ручушки за белья,
За него за перстни за злачёные,
Повёл его на поле на Куликово,
На этое на место на торговое,
Положить его на плаху на дубовую,
Срубить-то ему буйную головушку.
Этая царица московская,
Молода Настасьюшка Романовна¹³,
Видит: дело есть не малое,
Не стало у ней сына любимого;
Бежит она по славной каменной Москвы
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочках без чоботов.
Ко своему ко братцу ко любимому,
Ко тому Микитушке Романовичу,
На пяту она дверь поразмахивает.
Поглянул туда Микитушка Романович,
Говорил-то Микита таковы слова:
«Подошла-то ко мне гостейка незваная,
Незваная гостейка и нежданая!»
Говорит ему Настасья Романовна:
«Ай же ты, мой братец родимый,
Молодой Микитушка Романович!
Сидишь-то ты во тереме, златом верху,
Видно, надо мной незгодушки не ведаешь:
Не стало моего сына любимого,
То ли Фёдора Ивановича, –
Повёл его Иванушка Скурлатов сын
На тое на поле на Куликово,
На место на торговое,
Срубить-то ему буйная головушка».
Молодой Микитушка Романович
Он скорешенько скочил как на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватил паличку булатную под пазушку,
Бежит-то Микита на широкий двор,
Он сел на добра коня не сёдлана,
Ехал он по славной каменной Москвы,
Ехал Микитушка он улицы,
Перемахивал Микита переулками,
И кричал Микитушка во вею голову,
Во всю голову кричал громким голосом:

¹² Имеется в виду Малюта Скуратов (Г. Л. Скуратов-Бельский) – приближённый Ивана Грозного, исполнитель многих его одиозных поручений, жестокий палач; убит во время Ливонской войны (1573 г.).

¹³ Анастасия Романовна – первая жена Ивана Грозного, венчалась вместе с ним в 1547 г., умерла в 1560 г.

«Если кто казнит сына царского,
Того я разжалую;
Кто не казнит сына царского,
Того я пожалую».

Скурлатов сын Иванушка расслухался,
Порасслухался и пораздумался:
«Царский сын-то не простой мужик,
Чем-нибудь меня, может, и пожалует!»

Молодой Микитушка Романович
Он скорёшенько наехал на добром коне,
Соскочил-то Микита со добра коня
На своего на крестничка любимого:
Стоит детинушка Скурлатов сын,
Во руке он держит нож булатный; –
Молодой-то Фёдор Иванович
Положён на плаху на дубовую; –
Хочет он срубить ему буйну головушку.
Молодой Микитушка Романович
Берёт он крестничка за ручушки за белыя,
За него за перстни за злачёные,
Становил-то он его на резвы ноги,
Целовал его в уста во сахарня,
Называл его крестничком себе любимым,
И схватил-то он детинушку Скурлатова,
Положил его на плашку на дубовую,
Срубил ему буйную головушку,
Срубил головушку, выговаривал:
«Не твой-то кус, да не тебе-то есть,
И не тебе, собаке, насмехатися,
И не тебе казнить сына царского!»

Говорил-то Фёдор Иванович:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка,
Молодой Микитушка Романович!
Сам-то погинешь и меня сгубишь:
Наш батюшка – Грозный царь Иван Васильевич.
Говорил ему Микитушка Романович:
«Не убойся-тко ты, крестничек любимый:
Ты жив – и я буду жив».

Охватил его шубонькой куньею,
Садился на добра коня,
И поехали по славной каменной Москвы;
Приехал в свои палаты белокаменны
Ко своей сестрицы ко родимыя,
К молодой Настасьюшке Романовны.
Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимого,
Тут ей сердце взрадовалось,
Тут ей слёзушки-то приутихнули,
Она шла по славной каменной Москвы
Во свои палаты белокаменны.
Грозный царь Иван Васильевич
Схватился за своего за сына за любимого:

Не стало своего сына любимого,
Он сделал повеление в каменной Москвы
И во всем царстве Московском,
Чтобы народ-люди постилися
И ходили бы во матушку божью церкву,
Господу богу молилися
И носили бы одежицы опальные.
Идёт Грозный царь Иван Васильевич
Во матушку божью церкву
Со своей царицею московскою
Настасьёю Романовной
И со своим сыном любимым
Иванушкой Ивановичем.
Приходит он во божью церкву
В одежицы опальные¹⁴.
Молодой Микитушка Романович
Приходит во матушку божью церкву
Что ни лучшие в одежицы драгоценныя,
Пришёл к царю да и проздравствовал:
«Здравствуй, батюшка Грозный царь Иван Васильевич
Со своей любимой семеюшкой – моей сестрицей любимой,
Царицею московскою Настасьёю Романовной,
Со своим любимым со детушкамы:
С Иванушкой Ивановичем и Фёдором Ивановичем!»
Говорил ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же ты, Микитушка Романович!
Что ты в глазах насмехаешься,
Надо мною ты подлыгаешься?
Али надо мной незгодушки не ведаешь,
Что не стало у меня сына любимого,
Того ли Фёдора Ивановича?
Уведён он на поле на Куликово
У того Иванушки Скурлатова,
Положен на плашку на дубову,
Срублена ему буйна головушка
За его изменушку великую».
Говорил ему Микитушка Романович:
«Есть бы кто тебе сына жива привёл,
Того чем бы ты пожаловал?»
Говорил ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Есть бы кто ко мне сына жива привёл,
Дарил бы я города с пригородками,
Сёла дарил бы со присёлками,
Бояр дарил бы со крестьянами
И дарил бы я бесцетну золоту казну,
Силу¹⁵ дарил бы великую
И дарил бы я одежицы драгоценныя».
Молодой Микитушка Романович
Выпустил сына царского из-под правыя с-подпазушки.
Грозный царь Иван Васильевич

¹⁴ Одежды, символизирующие опалу; в данном случае – траурные.

¹⁵ Сила – в данном случае армия.

Не целует он сына любимого,
А целует он Микитушка Романовича,
И говорит он Микиты таковы слова:
«Ай же ты, Микитушка Романович!
Чим тебя теперь пожаловать?
Города ли ты берёшь с пригородкамы,
Али сёла берёшь со присёлкамы,
Бояр ли ты берёшь со крестьянамы,
Али силушку великую,
Али бессчётную золоту казну,
Али одежицы берёшь драгоценные?»
Говорил ему Микитушка Романович:
«Не беру я городов с пригородкамы,
Не надо мне сёл со присёлкамы,
Не надо мне бояр со крестьянамы,
Не надо мне силы великия,
Не надо мне бессчётной золотой казны,
Да и не надо мне одежицы драгоценныя.
У меня силушка велика в могучих плечах,
Есть бессчётной золотой казны по надобью,
Одежица драгоценная на мне-то не держится,
Есть под Микитой богатырский конь.
А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:
Кто коня угнал, кто жену увёл
Да ушёл в Микитину вотчину, –
Того в Микитиной вотчины не взыскивати».
Тут Грозный царь Иван Васильевич
Пожаловал его Микитиной вотчиной:
Кто коня угнал, кто жену увёл
Да ушёл в Микитину вотчину, –
Того в Микитиной вотчины не взыскивати.

Текст взят из книги: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1910. Т. 1. № 19; записан в 1860 г. от знаменитого сказителя Т. Г. Рябинина в Кижях Олонецкой губернии.

В 1581 г. во время войны с Ливонией между царём и его сыном Иваном (в песне – Фёдор) произошла ссора. В припадке гнева Иван IV убил царевича. Большинство исследователей видело в этом факте конкретно-историческую основу многочисленных вариантов данной песни. Однако всё её содержание противоречит такому толкованию: царь не убивает сына, а лишь приказывает его казнить, царевича спасает Никита Романович; в финале происходит примирение отца с сыном. Весь идейный замысел песни, большой и сложный, не может быть понят, если считать её «искажённым» откликом на события 1581 г. Песню о гневе Ивана Грозного на сына правильнее рассматривать как произведение, в котором нашли отражение существенные стороны политической жизни времени царствования Ивана Грозного в восприятии их народом. Упоминания в вариантах песни о таких фактах, как взятие Казани и Астрахани, укрепление самодержавной власти, протест народных масс против опричнины и поиски спасения от неё, борьба с внутренней «изменой», т. е. с боярством, – всё это придает песне широту политического обобщения и вместе с тем – историческую конкретность. В песне действуют персонажи, у которых есть исторические прототипы. Центральный эпизод песни – столкновение отца с сыном, спасение царевича – и многие другие эпизоды, оказавшись впоследствии под влиянием исторических событий начала XVII в., существенно варьируются в многочисленных текстах песни. В стилизовом плане все редакции песни едины.

Как у нас было в каменной Москве,
 У Грозного царя Ивана Васильевича
 Столованьице было – пиროванье, почестный пир
 На многие князи и б́ояра.
 Белый день идёт к вечеру,
 Батюшка Грозный царь весел стал.
 Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
 «Что же у меня в беседе никто ничем не хвастает,
 Не хвастает, не похвалится?»
 Один боярин хвастал чистым серебром,
 Другой боярин хвастал красным золотом,
 Третей боярин хвастал скатным жемчуфм.
 Не золота трубочка востру́била,
 Не серебряна сиповочка¹⁶ возы́ грала –
 Грозный царь Иван Васильевич слово вымолвил:
 «Не делом вы, братцы, хвастаетесь,
 Не добром вы, братцы, похваляетесь:
 Злато-серебро не откупа,
 Скатын жемчуг не оборона,
 Чистый бисер не заступа.
 Как я, Грозен царь, чем похвастаю:
 Вывел я измену изó Пскова,
 Вывел я измену из каменной Москвы,
 Казанское царство мимоходом взял,
 Царя Семиона под мир склонил,
 Снял я с царя порфиру царскую,
 Привёз порфиру в каменну Москву,
 Крестил я порфиру в каменной Москве,
 Эту порфиру на себя наложил,
 После этого стал Грозный царь!»

Тут проговорил его родимый сын:
 «Ах ты, батюшка Грозный царь,
 Царь Иван сударь Васильевич!
 Где тебе вывести измену изó Пскова,
 Где тебе вывести измену из каменной Москвы?
 Может быть, измена за столом сидит,
 Пьёт-ест с тобой с одного блюда».
 Говорит же Грозный царь Иван Васильевич:
 «Покажи мне, где измена за столом сидит?»
 От молода царевича на то ответа нет.
 Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
 «Ой вы гой еси, палачи московские!
 Вы сказните младого царевича,
 Выньте из груди сердце с печенью,
 Принесите мне на показанье!»
 Все палачи приужахнулись;
 Один Алёшка Малютин,

¹⁶ Сиповка – свирель, дудка.

Скурлатов сын, не ужа́хнулся,
Скочил Алёшка из застольица,
Выводил младого царевича,
Причитал Алёшка Скурлатов сын:
«Много казнил князей и бояр,
Не казнил рода царского:
Пойти сказнить младого царевича!»
Снимал с него Алёшка платье цветное,
Надевал на него платье чёрное,
Посадил его на добра коня;
Младый царевич наперёд едет,
Алёшка Скурлатов позаде едет,
Острый палаш на плече держит.
Перепала скорая весточка
Дяде Никите Романову.
Дядюшка был трудён-болён,
Трудён-болён, об одной ноге,
Разылся¹⁷ он скоро на конюший двор,
Обседлал своего добра коня,
Ухватил с собой конюха любимого,
Поехал скоро на чисто поле
И кричит-зычит громким голосом:
«Вор, собака, Малюта Скурлатов сын!
Отдай мне-ка младого царевича,
Сказни конюха моего любимого,
Вынь из груди сердце с печенью
И свези царю на показанье!»
Алешка Скурлатов послушался,
Отдал ему младого царевича,
Сказнил конюха его любимого,
Вынял из груди сердце с печенью
И привёз царю на показанье.
Ото сна встаёт царь Иван Васильевич, пробуждается,
Своего сына он хватается,
Своего сына Дмитрия-царевича.
Прознав дело, рвётся и мечется,
И говорит таковы речи:
«Ой вы, слуги мои верные!
Вы зачем меня не уняли,
Вы зачемпустили на дело окаянное?»
Отвечают ему слуги верные:
«Ой ты, батюшко Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Не посмели мы перечить тебе,
Убоялися мы твоего гнева скорого!»
Услышал царь Иван Васильевич
Радость-веселие у Никиты Романова,
Грозному царю за беду стало,
За беду стало за великую;
Ухватил он копьё острое,

¹⁷ бросался

Бежит к дяде Никите Романову.
 Во хоромах у Никиты Романовича пир на вёсело.
 Учёл¹⁸ он у своих гостей:
 «Бежит, – говорят, – царь Иван Васильевич,
 Во руке держит копьё острое,
 Бежит прямо к нему, к Никите Романову».
 Недосуг Никите гостей чествовать:
 Бросился он на крылечко стекольчато,
 Встречу ладит царю Ивану Васильевичу.
 Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
 «Аль ты рад, Никита Романович,
 Моему несчастью великому,
 Аль ты веселишься казни сына моего любимого?»
 Замахнул он копьё острое, –
 Тял¹⁹ в ногу Никите Романовичу.
 Ответ держит Никита Романович:
 «Грозный царь Иван Васильевич!
 Погляди-ко ко мне во большой угол!»²⁰
 Поглядел царь во большой угол, –
 Увидел сына своего Дмитрия-царевича:
 Сидит весел и здоров во большом углу.
 Царь нашёл в том радость великую,
 Закурили на радостях зелена вина,
 Заварили на радостях мёду пьяного,
 Пировали на радостях почестный пир.

Текст взят из книги: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1864. Ч. 2, вып. 6. С. 98–101; записан А. Харитоновым в Шенкурском уезде Архангельской губернии; доставлен В. И. Далем.

Сюжет и содержание песни те же, что и в предыдущем тексте, однако здесь многие эпизоды разработаны своеобразно. Царь приказывает казнить не Фёдора, а Дмитрия, Скуратов получил имя Алёшки и т. п. В характеристику образа Ивана Грозного внесены психологические моменты.

7

А не сѣльная туча затѣчилась,
 а не сѣлнии грѣмы грянули:
 кудѣ едет собака Крымской царь?
 А ко сѣлному царству Московскому:
 «А нынѣчи мы поедем к каменной Москве,
 А назад мы пойдѣм, Резань возмѣм».
 А как будут они (у) Оки-реки,
 а тут они станут белы шатры раставливать.
 «А думайте вы думу с целѣ ума²¹:
 кому у нас сидеть в каменной Москве²²,
 а кому у нас в Володѣмерѣ,
 а кому у нас сидеть в Суздале,

¹⁸ услышал

¹⁹ ударил

²⁰ Большой угол – передний перед иконами.

²¹ хорошенько

²² Из летописей известно, что во время похода 1572 г. на Москву крымские татары распределили между собой города и уезды России.

а кому у нас держать Резань Старая,
а кому у нас в Звенúгородé,
а кому у нас сидеть в Новé-городе?»
Выходит Дивú-Мурзы²³ сын Уланович:
«А еси государь наш, Крымской царь!
а тобé, государь, у нас сидеть в каменнóй Москве,
а сыну твоему в Володúмерé,
а плéмнику твоему в Суздале,
а сродичу в Звенúгородé,
а боярину конюшему держать Резань Стáрая,
а меня, государь, пожалуй Новым-гóродом:
у меня лежат там свет-добры-дни²⁴ батюшка,
Диви-Мурзá сын Уланович».
Проклúчет с небес госпóден глас:
«Ино есú собака, Крымской царь!
то ли тобé царство не свéдомо?
а ещё есть на Москве семьдесят апостолов,
опрúшенно²⁵ трёх святителей;
ещё есть на Москве православной царь!
Побежал еси, собака, Крымской царь,
не путём еси – не дорогою,
не по знáмени не по чёрному!»²⁶

Текст взят из книги: Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1907. Т. 82. № 7; из публикации П. К. Симони «Великорусские песни, записанные в 1619–1620 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства», с. 12–15.

Песня отражает события второй половины XVI в., изобиловавшей набегами крымских татар. Этими набегами неоднократно руководили Дивеевы мурзы. Во время очередного набега хана Девлет-Гирея на Москву в 1572 г. татарское войско было разбито, участник набега Дивей-мурза сын Уланович был взят в плен русскими, отправлен в Новгород, где вскоре и умер. Таким образом, просьбу, которую высказывает сын Диви-мурзы, – пожаловать его Новгородом – можно истолковать и как скрытую иронию, так как песня заканчивается изображением полного краха планов татар.

8. ОБ ОСАДЕ ПСКОВА

Копил-то король²⁷, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки – сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков.
Накоплёмши он силы, на Русь пошёл,
Он на Русь пошёл, на три города,
На́ три города, на три стольные:
На первый на город – на Пóлотский²⁸,
На другой-то на город – Велúки Лукú,
На третий – на батюшку на Опсков-град.
Он и Полотский-город мимоходом взял,
А Велúки-Лукú он насквозь прошёл.

²³ Мурза – служилый человек, мелкий феодал в ряде мусульманских государств.

²⁴ Свет-добры-дни – блаженной памяти, покойны (противоположность – «злы дни»).

²⁵ Опрúчь – кроме, помимо.

²⁶ нестройно, вразброд, беспорядочно.

²⁷ Имеется в виду Стефан Баторий (1533–1586) – польский король в 1576–1586 гг.

²⁸ Полоцк.

Подходил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во зóлот стул,
Смекал-то он силушку по́ три дни,
По́ три дни и по́ четыре:
Много ли силушки у́было,
А много ли силушки при́было?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.
Тут же он, собака, возра́дуется:
«Ох вы гой есь, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечитесь скоро в зелены́е луга,
В зелены́е луга государевы!..
Бери свово коня ба́хмута²⁹,
Поезжай во батюшку во Опсков-град,
Во город въезжай – не спрашивай,
Ко двору подъезжай – не докладывай,
Во палаты восходи – не бей челом,
Клади ярлыки на дубóвы столы».
За столами сидит воевода царёв
Карамы́шев Семён Константинович³⁰.
«Ох ты гой еси, воевода царёв
Карамы́шев Семён Константинович!
Отдай город Волок³¹ бёз бою,
Без бо́ю и без драки великия,
Без того уголовия смертного!
Я на первом часу́ возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистити,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохлáдитися;
Князей твоих, бояр всех в полóн поберу,
Донских казакóв всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»
Возгóворит воевода царёв
Карамы́шев Семен Константинович:
«Блудён сын, король с королевичем,
С па́ном гетма́ном Хоткёвичем³²
И с воинским конём Воронóвичем!
Не отдам я тебе города бёз бою,
Без бо́ю и без драки великия,
И без того уголо́вия смертного!»
Как со вéчера солдаты причащались,
Со полу́ночи ружья чистили.
Ко белой зоре, как кúры пропéли,
Не туча́ с тучёй сходúлася,
Не зоря́ со зорёй сомыка́лася –
Соходилися два войска, два великия,

²⁹ Бахмут – малорослая крепкая лошадь.

³⁰ Имеется в виду Иван Константинович Карамышев.

³¹ На самом деле имеется в виду Псков.

³² Я. К. Ходкевич – видный деятель Речи Посполитой, полководец, участник Смуты начала XVII в.

Белого царя с королевским.
Тут ездит-разъезжает уда́лый добрый молодец,
Ещё тот ли же воевода царёв
Карамы́шев Семён Константинович.
«Кому у нас на бою, б́ратцы, божья по́мочь?»
Помог бог воеводе московскому
Карамы́шеву Семёну Константиновичу –
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сипо́вщичков³³,
Кольчужничков, барабанщичков.
Насилу король сам-третей убежал.
Бегучи́ он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне на Руси бывать,
Ни детям моим и ни вну́чатам,
И ни вну́чатам, и ни пра́внучатам!»

Текст взят из альманаха: Денница. М., 1834. С. 158–162; записан Языковым в г. Сызрани Симбирской губернии.

Песня является откликом на героическую оборону Пскова в 1581–1582 гг. против сотысячной армии Стефана Батория. Событие это было одним из крупных эпизодов Ливонской войны. В песне говорится также о захвате Полоцка (1579) и Великих Лук (1580).

Воевода Карамышев Семён Константинович упоминается, по всей вероятности, в связи с другим историческим событием – защитой (в основном казачьим гарнизоном) от короля Сигизмунда III в 1612 г. Волока Ламского, где воеводой города был Иван Константинович Карамышев; все приступы были отбиты и король отступил.

9. СТАНИЦА ГРЕБЕНЦОВ ПЕРЕД ИВАНОМ ГРОЗНЫМ

Не серые гусюшки гогочут,
Не сизые орлы клохчут,
Они пить и есть хотят;
Гребенские наши казаченьки³⁴
Перед царём они стоят,
Перед Грозным царём,
Перед Иваном Васильевичем.
Самому-то ли царю-надёже
Они речи ему говорят:
«Уж ты, батюшка, ты наш надёжа,
Православный ты наш государь!
Не позволь ты нас казнить-вешать,
Позволь речи ты нам говорить:
Да-на чем же ты нас подаруешь,
Ты-на чем пожаловаешь?»
«Подарю я вас, моих казаченьков,
Рекою вольною Терекон Горынъевичем³⁵,
Как от самого от Гребня до синего моря,
Как до синего было до моря до Хвалынского³⁶».

³³ Сиповщики – военные музыканты, игравшие на сиповках.

³⁴ Гребенские казаки жили на востоке Северного Кавказа, в бассейне Терека рядом с терскими казаками. Получили такое название от слова «Гребень», которым обозначался Терский хребет, где они и жили.

³⁵ В 1555 г. Иван Грозный пожаловал гребенским казакам занятые ими земли, поручив им защиту интересов России на Северном Кавказе.

³⁶ Хвалынское – старинное название Каспийского моря.

Текст взят из книги: Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. С. 42, № 2; записан Ф. С. Панкратовым на Терке.

Сюжет песни, её идейное содержание типично для второй половины XVI в., когда бежавшее на юг от крепостного гнёта население (превращавшееся в казаков) вело борьбу за сохранение своих прав в условиях усиления самодержавной власти на юге страны.

10. ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ ЖАЛУЕТ КАЗАКОВ ДОНСКИХ

Ой да, не быстра речушка шумит,
Не Дунай-речка говорит,
Не сизые орлы клычут,
По-над небесью летят,
Не серые гуси гогочут –
Они есть хотят.
Как возговóрят наши казаченьки,
Перед Грозным царём стоячи:
«Ты наш батюшка-надежда царь,
Не дозвошь нас казнить,
Дозвошь речь нам говорить:
Много господ жалуешь, много любишь их.
Чем ты донских казаков пожалуешь?»
«Я вас жалую, донцы, славным Тихим Доном,
Со всеми притоками его...»

Текст взят из книги: Народное творчество Дона / Ред. текстов, вступ. ст. и комм. И. П. Громова. Роев-на-Дону, 1952. Кн. 1. С. 47; записан от братьев Куликовых в станице Раздорской Ростовской области.

В песне подтверждаем право казаков жить вольно на Дону.

11. ПЛАЧ КАЗАКОВ ПО СКОНЧАВШЕМСЯ ЦАРЕ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Уж ты светлое
Наше красно солнышко,
Красно солнышко.
Уж ты светишь, солнышко,
Во весь долгий день.
Свети во весь день.
Освети ты, солнышко,
Москву каменну,
Москву каменну.
Во Москве-то каменной,
Во святой Руси,
Во святой Руси,
У собора-то было
У Успенского³⁷,
У Успенского.
Молодой казак с ружьём
На часах стоит,
На часах стоит,
Богу молится,

³⁷ Имеется в виду Успенский собор Московского кремля.

Сам-то слёзно плачет,
Сам слёзно плачет,
Приговариват:
«Ты подуй, буён ветер!
Подуй, буй-ветер.
Ты развей, развей,
Ветер, пески жёлтые,
Пески жёлтые,
Расступись ты, матушка,
Мать-сыра земля!
Мать-сыра земля.
Расколися, вскройся ты,
Грובה доска,
Грובה доска!
Распахнися, белый саван,
Полотнянный!
Бел-полотнянный.
Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь!
Православный царь.
Православный царь,
Царь Иван Васильевич, Ты, наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою-то силушку,
Свою силушку.
Твоя силушка
Скоро в поход пойдёт
Как под тот-то славный
Казань, Казань-город».

Текст взят из книги: Былины и песни астраханских казаков. Собрал и на ноты положил А. А. Догадин. Астрахань, 1911. Вып. 1. С. 14–15; записан от братьев Чернышёвых, А. Н. Исаева и других в станице Дурновской, от А. М. Дедова и других в станице Сероглазинской, от А. А. Горшенева и других в станице Пичуженской Астраханской губернии в 1902–1908 гг.

Песня создана по случаю смерти Ивана Грозного; она имеет много вариантов, приуроченных впоследствии и к другим царям.

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ЕРМАКЕ

1. ЕРМАК В КАЗАЧЬЕМ КРУГУ³⁸

Как на речке, на реке, братцы, было на Камышенке³⁹,
Собиралися там, соезжалися они люди вольные,
Люди вольные собиралися, они беспачпортные:
То донские, гробенские казаки, они со яицкими⁴⁰.
Атаманом был у них, братцы, Ермак Тимофеевич.
Да он речи говорил, Ермак, ровно как в трубу трубил:
«Уж вы думайте, ребяташки, да вы всё подумайте,
Да меня ли Ермака ли казака вы меня послушайте.

³⁸ Казачий круг – главный орган самоуправления, собрание полноправных казаков.

³⁹ Камышенка (Камышинка) – правый приток Волги.

⁴⁰ Яицкие казаки жили по берегам реки Урал (её название до 1775 г. – Яик).

Вот проходит у нас, братцы, всё летушко тёплое,
Наступает вот у нас, братцы, зимушка холодная,
Да и где же мы эту зимушку её зимовать будем?
На Яик идти, ребятушки, да он переход велик,
А на Волге быть, ребятушки, да нам всё ворами⁴¹ слыть;
Под Казань-город идти – да там Грозный царь,
Грозный царь стоит, сам Иван Васильевич:
Нам, казакам, быть да нам переловленным,
По разным тюремочкам всем быть порассаженным,
А мне, Ермаку-казаку, да мне быть повешену.
А вы думайте, ребятушки, да всё подумайте,
Да где же мы эту её зимовать будем.
Уж вы делайте, ребятушки, лодочки еловые,
Да вяжите вы, ребятушки, ташечки-колоночки⁴²,
Да садитесь, ребятушки, во лёгкие лодочки,
Вы пущайтесь, ребятушки, во мать во сине море,
Зимовать мы будем, ребятушки, на речке Камышинке».

Текст взят из книги: Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 7. С. 20; записан Ф. С. Гребенцом у гребенских казаков. Близкий, более краткий вариант: Гребенцы в песнях. Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895. С. 15–16.

В период феодализма на юг страны бежала от крепостного права деревенская и городская беднота, впоследствии организованная Ермаком в казачьи отряды, возмущавшие спокойствие царского правительства. Песня показывает отношение царского правительства к беглому люду.

2

Как на Волге-реке, да на Камышенке
Казаки живут, братцы, люди вольные:
Всё донские, гребенские со яйцкими.
У казаков был, братцы, атаманушка –
Ермаком звали Тимофеевичем.
Не злата труба, братцы, вострубила,
Не звонка ли, не громка ли речь возговорила –
То возговорил, братцы, Ермак Тимофеевич:
«Уж вы думайте, казаки-братцы, попридумайте!
Как проходит у нас лето тёплое,
Настаёт, братцы, зима холодная.
Ещё где нам, братцы, зимовать будет?
Нам на Волге жить – всё ворами слыть.
На Яик идти – переход велик,
На Казань идти – грозен царь стоит,
Грозен царь стоит, братцы, немилостивый.
Он послал на нас рать великую,
Рать великую – в сорок тысячней.
Так пойдёмте же да возьмём Сибирь!»

Текст взят из книги: Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. 3-е изд. СПб., 1910. Т. 3. С. 270–271. Данный вариант песни показывает, как созревали у Ермака и его единомышленников мечты о походе в Сибирь, каковы были причины этого похода.

⁴¹ «Вор» до XIX в. – государственный преступник.

⁴² Вероятно, походные сумки.

3. ЕРМАК БЕРЁТ КАЗАНЬ

На степи было на Саратовской,
Пониже города Саратова,
Повыше города Камышина
Собирались казаки охотники,
Донские, гребенские и яицкие,
Во кругу стоят, думу думают,
А среди их круга казачьего
Там Ермак стоит Тимофеевич,
Кунья шуба на нём нараспашечку,
Пола правая в пятьсот рублей,
Пола левая близу тысячи,
Всей-то шубе той цены нету.
Вот казак Ермак речь возговорит:
«Ой вы, братцы, атаманы-молодцы!
Проходит лето, лето тёплое,
А зима-то наступает холодная,
Где-то мы, братцы, зимовать будем?
Вы подумайте, братцы, подумайте,
Да меня, Ермака, послушайте:
На Яик нам идтить – переход велик,
На тихой Дон идтить – ворами слыть.
Я хотел бы вверх по Волге идтить.
Пойдём-ка, братцы, под Казань-город:
Под ним Грозный царь стоит,
У него ли там много силушки,
Он семи лет стоит под Казанию,
Он семь лет стоит, не возьмет её!»
Тут подумавши, в поход пошли,
Не дойдя Казани, становилися.
«Станьте, братцы, вы побудьте тут,
Я. Ермак-казак, к царю пойду,
Я пойду к нему, поклонюсь ему,
Расскажу про наше житьё-бытьё
И скажу ему, как город взять.
А повесит меня – знак вам дам,
А примет меня – по вас пошлю!»
Вот идёт Ермак к царю Грозному,
Принимает его царь за товарища
И сажает его возле себя.
Посадивши, стал расспрашивать:
«Ты кто такой и отколь взялся?»
Тут Ермак ему и стал рассказывать:
«Не один я пришёл, а с товарищи.
Теперь, государь, позволь лишь мне,
Расскажу тебе, как город взять.
Только сроку дай мне день один,
А теперя, царь, успокойся ты,
Как не сделаю того – повесь меня!»

Царь послушался, отпустил его.
Вот он ждёт день до вечера,
Не дождавшись, сомневаться стал:
«Знать, Ермак-казак обманул меня,
Как он вором был – и остался вор!»
Не успел Грозный слово вымолвить,
Затряслась земля, всколебалася,
Стены градские разрушаются,
Казачи в Казань ворываются,
А орда из ней убирается.
Царь въезжает во Казань-город,
Он там хвалится, прославляется.
Вот Ермак к нему является:
«Чем, Ермак, тебя пожаловать?»
«Ты отдацгосударь, нам тихой Дон
Снизу доверху, сверху до низу,
С его реками и вершинами!»

Текст взят из книги: Донские казачьи песни / Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885. С. 18–20, № 16.

Литературные источники говорят об участии в Казанском походе (1545–1552) казаков, но роль их в исходе войны не была столь значительной, как об этом говорится в песне. Песня должна рассматриваться в связи с исторической действительностью и представлениями казачьих масс более позднего периода. Создание её относится, вероятно, к 80–90-м гг. XVI в. – кануну Смутного времени. Пожалование казаков Тихим Доном за их боевые заслуги поэтически обосновывает казачьи права и привилегии. Эта идея придавала песне актуальное звучание на разных этапах истории казачества.

4. ЕРМАК ВЗЯЛ СИБИРЬ

Во славном понизовом городе Астрахани,
Против пристани матки Волги реки,
Соходилися удалы добры молодцы,
Донские славны атаманы казачие –
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович;
И стали они во единой круг,
Как думати думушку за единое,
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имени Ермак Тимофеевич:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы казачие!
Не корыстна у нас шутка зашучена;
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе⁴³,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матросами,
И всем животом его покорыстовались;
И как нам на то будет ответственать?
В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить – ворами слыть,
На Яик идти – переход велик,
В Казань идти – грозен царь стоит,

⁴³ Ахтуба – левый приток Волги.

Грозен царь осударь, Иван Васильевич;
В Москву идти — перехватаным бьль,
По разным городам разосланным
И по тёмным тюрьмам рассаженным;
Пойдёмте мы в Усоля⁴⁴ ко Строгоновым⁴⁵,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым;
Возьмём мы много свинцу, пороху и запасу хлебного».
И будут они в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебные, много свинцу, пороху.
И пошли вверх по Чусовой реке⁴⁶,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли они пещеру каменну
На той Чусовой реке, на висячем большом каменю;
И зашли они сверх того каменю,
Опускалися в ту пещеру казаки,
Много не мало – двести человек;
А которые остались люди похужея,
На другой стороне в такую ж они пещеру убиралися.
И тут им было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настаёт;
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебряной реке⁴⁷.
Стал Ермак убиратися со своими товарищами;
По Серебряной пошли, до Жаровля дошли,
Оставили они тут лодки коломенки⁴⁸,
На той Баранченской переволоке,
Одну тащили, да надселися,
Там её и покинули.
И в то время увидели Баранчу реку⁴⁹, обрадовалися,
Поделали боты сосновые
И лодки набойницы;
Поплыли по той Баранче реке
И скоро они выплыли на Тагиль реку;
У того Медведя камня⁵⁰ у Магницкого-горы⁵¹ становилися,
А на другой стороне было у них плотбище⁵²;
Делали большие коломенки,
Чтоб можно им совсем убратися.
Жили они тут, казаки, с весны до Троицева дня,
И были у них промыслы рыбные,
Тем они и кормилися;
И как им путь надлежал,

⁴⁴ Усолье – городок у верховья Камы.

⁴⁵ Строгановы – купцы-солепромышленники XIV–XVI вв., владевшие в Сольвычегодском крае обширными землями и промыслами. Оказывали большую ратную и денежную помощь Ермаку во время его похода в Сибирь.

⁴⁶ Чусовая – правый приток Камы.

⁴⁷ Серебряная – правый приток Чусовой.

⁴⁸ Коломенка – речное судно.

⁴⁹ Баранча – правый приток Туры, впадающей в Тагил.

⁵⁰ Медвежий камень – высокий утёс на берегу Тагила.

⁵¹ Видимо, имеется в виду гора Магнитная.

⁵² Плотбище – место постройки судов, пристань.

Со всем в коломенки убиралися,
И поплыли по Тагиль реке;
А и выплыли на Туру реку⁵³,
И поплыли по той Туре реке в Епанчу реку;
И тут они жили до Петрова дня.
Ещё они тут управлялися,
Поделали людей соломенных
И нашили на них платье цветное;
Было у Ермака дружины триста человек,
А стало уже со теми больше тысячи.
Поплыли по Тоболь реку⁵⁴,
В Мяденски юрты приплыли,
Тут они князька полонили небольшого,
Дабы показал им путь по Тоболь реке.
Во тех усьях тобольских на изголове становилися,
И собиралися во единой круг,
И думали думушку крепку заедино:
Как бы им приплыть к горе Тобольской той?
Сам он, Ермак, пошёл усьем верхним,
Самбур Андреевич усьем средним,
Анофрей Степанович усьем нижним,
Которая усья впала против самой горы Тобольския.
И выплыли два атамана казачие,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович,
Со своими товарищами на Иртыш реку,
Под саму високу гору Тобольскую.
И тут у них стала баталия великая
Со теми татары котовскими;
Татары в них бьют со крутой горы,
Стрелы летят, как часты дожди,
А казакам взять не можно их.
И была баталия целой день,
Прибили казаки тех татар немало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крепкие,
Что ни едино убить не могут их:
Калёных стрел в них, как в снопики, налеплено,
Только казаки все невредимы стоят⁵⁵,
И тому татары дивуются наипаче того.
В то же время пришёл атаман Ермак Тимофеевич
Со своею дружиною тою лукою Соуксанскою,
Дошёл до усья Сибирки реки,
И в то время полонил Кучума царя татарского,
А перваго князька поиманого
Отпустил со известием
Ко тем татарам котовским,
Чтобы они в драке с казаками помирилися:
Уж-де царя вашего во полон взяли
Там атаманом Ермаком Тимофеевым.

⁵³ Тура – левый приток Тобола.

⁵⁴ Тобол – левый приток Иртыша. В устье Тобола находилась столица Сибирского ханства.

⁵⁵ Имеются в виду соломенные чучела.

И таковы слова услыша, татары сократились,
И пошли к нему, Ермаку, с подарочками,
Понесли казну соболиную
И бурых лисиц сибирских;
И принимал Ермак у них, не отсылаючи;
А на место Кучума царя утвердил Сабанака татарина
И дал ему полномочие владеть ими.
И жил там Ермак с Покрова
До зимняго Николина дня.
Втапоры Ермак шил шубы соболиные,
Нахтармами⁵⁶ вместе сшивал,
А тёплые мехи на верх обеих сторон;
Таковым манером и шапки шил.
И убравши⁵⁷ Ермак со всеми казаки,
Отъезжал в каменну Москву,
Ко Грозному царю Ивану Васильевичу.
И как будет Ермак в каменной Москве,
На канун праздника Христова дня,
Втапоры подкупил в Москве
Большого боярина Никиту Романовича,
Чтобы доложил об нём царю Грозному.
На самой праздник Христов день,
Как изволил царь государь Идти от заутрени,
Втапоры доложил об них Никита Романович:
Что-де атаманы казачие, Ермак Тимофеев с товарищи,
К твоему царскому величеству с повинностью пришли
И стоят на Красной площади.
И тогда царь государь
Тотчас велел пред себя привести
Того атамана Ермака Тимофеева,
Со теми его товарищи;
Тотчас их ко царю представили
В тех шубах соболиных.
И тому царь удивляется;
И не стал больше спрашивати,
Велел их разослать по фатерам⁵⁸
До того часу, когда спросятся.
Втапоры царю праздник радошен был,
И было пиrowание почестное
На великих на радостях,
Что полонил Ермак Кучума царя татарского,
И вся сила покорилася тому царю Грозному,
Царю Ивану Васильевичу.
И по прошествии того праздника
Приказал царь государь
Того Ермака пред себя привести;
Тотчас их собрали
И ко царю представили.
Вопрошает тут их царь государь:

⁵⁶ Нахтарма – мездра, выворот, оборотная (непушистая) сторона шкуры.

⁵⁷ Убраться – нарядиться, переодеться.

⁵⁸ Фатера – видимо, искажённое «квартира».

«Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын!
Где ты бывал, сколько по воле гулял,
И напрасных душ губил,
И каким случаем
Татарского Кучума царя полонил,
И всю его татарскую силу
Под мою власть покорил?»
Втапоры Ермак пред Грозным царём на колени пал,
И письменное известие обо всём своём походе подавал,
И при том говорил таковые слова:
«Гой еси, вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Приношу тебе, осударь, повинность свою.
Гуляли мы, казаки, по морю синему,
И стояли на протоке на Ахтубе;
И в то время годилося мимо идти
Послу персидскому
Корамышеву Семёну Константиновичу
Со своими солдатами и матросами,
И они напали на нас своею волею,
И хотели от нас поживитися,
Казаки наши были пьяные,
А солдаты упрямые,
И тут персидского посла устукали
Со теми его солдатами и матросами».
И на то царь государь не прогневался,
Но и паче⁵⁹ умилосердился,
Приказал Ермака пожаловати.
И посылал его в ту сторону Сибирскую
Ко тем татарам котовским
Брать с них дани-выходы в казну государеву.
И по тому приказу государеву
Поехал Ермак Тимофеевич
Со своими казаками в ту сторону Сибирскую.
И будет он у тех татар котовских;
Стал он их больше
Под власть государеву покоряти,
Дани-выходы без опущения избирати.
И год-другой тому времени поизойдучи,
Те татары взбунтовалися,
На Ермака Тимофеева напустилися
На той большой Енисее реке;
Втапоры у Ермака были казаки разосланы
По разным дальним странам,
А при нём только было казаков на две коломенки.
И билися, дралися с татарами время немалое;
И для помощи своих товарищей
Он, Ермак, похотел перескочити
На другую свою коломенку,
И ступил на переходню обманчивую,

⁵⁹ Паче – больше, более.

Правою ногою поскользнулся он –
И та переходня с конца верхнего
Подымалася и на его опускалася,
Расшибла ему буйну голову
И бросила его в тое Енисею, быстру реку.
Тут Ермаку такова смерть случилась.

Текст взят из книги: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938. № 14.

В XVI в. сибирский хан Кучум начал разорять окраины Перми Великой и Прикамье. К 1573 г. относится набег Маметкула, племянника Кучума. Поход Ермака – выдающаяся экспедиция в Западную Сибирь – начался в сентябре 1581 г. Отряды Ермака проделали долгий и трудный путь к берегам Иртыша, где происходила решительная битва на горе Чувашей. 26 октября 1581 г. Ермак занимает столицу Кучума г. Кашлык (по другим источникам – Искер, или Сибирь).

Песня подробно описывает путь Ермака в Сибирь и гибель Ермака (август 1584 г.).

5. ПЕСНЯ О ЕРМАКЕ

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке
Собирались люди, вольные казаки,
Становились они во единый круг,
Крепко думу думали единую.
Говорил им Ермак Тимофеевич:
«Не пора ли убираться нам отсюда:
На Волге жить – ворами слыть,
На Яик идти – переход велик,
В Казань идти – грозен царь стоит,
Грозен царь-государь Иван Васильевич.
Не лучше ли нам во Сибирь идти,
На Кучума, царя татарского...»
Вот пришли они на Иртыш-реку
Под высокую гору Тобольскую.
Понаделали чучел соломенных,
Палки в руки им длинные всунули,
Напугали татар неразумных.
И тому татары дивилися,
Каковы русские люди крепкие,
Что ни единого убить не могут.
И тогда татары покорилися,
Приносили Ермаку свои подарочки,
Чернобурок многие сорока,
Соболиные шкуры десятками.
И поехал Ермак во столицу Москву
К государю Ивану Васильевичу.
Вопрошает его тут сам государь:
«Я за службу твою благодарствую,
Чем дарить тебя – не надумаю».
Снял он шубу с плеч соболиную,
Собственноручно Ермаку пожаловал
И послал его в ту сторону сибирскую...

Текст взят из книги: Уч. зап. Бийского пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 73–74; записан А. И. Лазаревым в с. Воскресенское Новосибирской области в 1955 г. от К. Н. Морозникова.

Песня, повествующая о борьбе Ермака с Кучумом, была создана в Сибири.

6

Как на славных на степях было Саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-друзи, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг:
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них Ермак сын Тимофеевич,
Есаул⁶⁰ у них Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку все единую:
«Уж как лето проходит, лето тёплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?
На Яик нам идтить – да переход велик,
Да на Волге ходить нам – всё ворами слыть,
Под Казань-град идтить – да там царь стоит,
Как грозной-то царь Иван Васильевич;
У него там силы много – множество.
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженым».
Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит –
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте!
Зазимую мы, братцы, все в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдём,
Мы заслужим пред грозным царём вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли⁶¹,
Как и те-то корабли, братцы, не орлёные⁶²,
Мы убили посланничка всё царского,
Как того-то ведь посланничка персидского».
Как во славном было городе во Астрахане,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-друзи во единой круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:

⁶⁰ Есаул – выборный помощник атамана у казаков.

⁶¹ Бус – большая долблёная лодка, однодеревка, с острым носом, отрубистой кормой и округлым дном; чаще всего дополнялась насадами (набоями, наделками) – набивными досками по бортам.

⁶² Без «орла» (царского герба), то есть либо частные суда россиян, либо иностранные корабли.

«Как зима-то проходит всё холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето тёплое,
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».
Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы, атаманы-молодцы!
Эйвы делайти лодочки-коломенки,
Забивайте вы почета⁶³ еловые,
Накладайте бабаички⁶⁴ сосновые,
Мы поедемте, братцы, с божьей помочью;
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Переидёмте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до Царства бусорманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, царю белому,
А царя-то Кучума во полон возьмём.
И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную:
«Ой ты гой еси, надёжа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то, воровской донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал ведь бусы-корабли,
Как и те-то корабли всё не орлёные.
А теперича, надёжа православной царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой – царство Сибирское!»
Речь возговорит надёжа православной царь,
Как и грозной-то царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим,
Я прощаю тебя да за твою службу;
За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую тебе, Ермак, славной тихой Дон!»»

Текст взят из книги: Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год, изданная А. Корниловичем. СПб., 1824. С. 336–341.

Песня отражает желание казаков утвердить своё гражданское положение в обществе. Изображая преподнесение царю в дар Сибири, она подчёркивает большую роль казаков в укреплении Российского государства.

⁶³ Вбитые в борт колышки, на которые надевали вёсла.

⁶⁴ Бабайка – гребное весло.